

гонии, куда оно чаще всего ввозилось. Документы показывают явный кризис торговли зерном во второй четверти XV в. В ряде документов упоминается *granum de rauca* (р. 262, 263, 307). Так как Рауга — город Бафра в Турции, а не тип зерна, правильнее его написание с прописной буквы. В регесте к документу № 30 (р. 261) имеется опечатка: речь идет не о 3, а о 3000 кантаров муки. В издании акта № 37 (р. 266—267) содержится кусок текста из акта № 36, не связанный с содержанием акта № 37 (это строки 21—33). Либо это погрешность в издании, либо особенности рукописи, которые в таком случае следовало бы объяснить.

Болгарский ученый В. Гюзелев издает перевод стихотворений армянского епископа Каффы Мартироса Кримица (1620—1683). Они были написаны по-армянски и по-турецки и описывают балканские города (3. Р. 269—304).

Ряд публикаций серии посвящен административной истории Генуи и Генуэзской Романии. Ф. Мартиноне впервые воссоздает историю высшего органа Генуэзской республики — Большого Совета (5. Р. 87—142), А. Роккатальята — Оффиции по борьбе с пиратством (*Ufficio «pro robatoriis»*). — 9. 2. Р. 151—184). Истоки эмблематики Генуэзской республики исследуются Р. Павони (4. Р. 29—64). В частности, по его мнению, изображение в качестве эмблемы генуэзского креста появилось еще до Первого Крестового похода и было первоначально символом христианской милиции коммуны (Р. 62—63).

Рыбачий промысел в Генуе по данным статутах лигурийских городов был проанализирован Дж. Пистарино (4. Р. 117—152). Особый интерес в его статье представляет изучение терминологии и быта рыболовства. В таком же ракурсе написана и статья Л. Баллетто «Диета и гастрономия в генуэзском средневековье» (9. 2. Р. 7—76) и ее монография о врачах, фармацевтах и знахарях средневековой Генуи (8. Р. 7—172). Но если в указанных работах анализировались определенные группы терминов, то в «Новом средневековом лигурийском словаре», состав-

ленном Н. Кальвини, интерпретируется вся совокупность лексики латиноязычных генуэзских источников. (6). При подготовке издания Кальвини взял за основу прежний лигурийский глоссарий Дж. Росси (1896, 1909 г.г.). Однако он обогатил его новыми терминами, уточнил значения слов, существенно расширил источниковую базу. Правда, по-прежнему, словарь основан преимущественно на юридических текстах, главным образом статутах; в нем недостаточно учтен язык нотариальных актов, счетных книг. Не всегда использованы и имеющиеся словари к изданию отдельных источников⁴. Тем не менее в настоящее время Словарь Кальвини — незаменимый инструмент для исследователя лигурийских источников.

Издатели серии проявляют несомненный интерес к русской и советской историографии. В ней опубликованы статьи М. Волкова «Четыре года города Каффы (1453, 1454, 1455 и 1456)» — 3. 1. Р. 225—268) и «О соперничестве Венеции с Генуей в XIV в.» — 5. Р. 143—182), первоначально изданные в «Записках Одесского общества истории и древностей» в 1872 и 1860 гг. Отдельный том, подготовленный А. Префумо, посвящен вкладу советских ученых в изучение истории генуэзского Леванта (7). В нем изданы в итальянском переводе статьи Е. Ч. Скржинской, Н. П. Соколова, М. К. Старокадомской, С. А. Секиринского, О. В. Волобуева, К. К. Когонашвили, А. М. Чипериса, Е. В. Даниловой, написанные в конце 40—60-х годов, а также очерк И. П. Медведева о творчестве Е. Ч. Скржинской.

Таким образом, рецензируемая серия трудов Института Колумба существенно обогащает историю Генуэзской Романии новыми изданиями источников, новыми подходами к их изучению. Кроме того, благодаря публикации трудов итальянских, советских, французских, испанских, болгарских, английских, аргентинских ученых она осуществляет важную миссию координации исследований, взаимного ознакомления научной общест-венности разных стран с достижениями мировой науки.

С. П. Карпов

Μαυρομμάτης Α. Οἱ Πρῶτοι Παλαιολόγοι: προβλήματα πολιτικῆς πρακτικῆς καὶ ἰδεολογίας. Ἀθήνα: Σύλλογος πρὸς Διαδόσιν τῶν Ἑλληνικῶν Γραμμάτων, 1983. 152 Σ. 1 χάρτ., 1 πίν.

Проблемы полигической мысли и идеологии Византии занимают важнейшее место в современных исторических тру-

дах. Наиболее значительный вклад в их изучение внесли Э. Арвейлер, И. Караяннопулос, А. Пертузи⁵. К числу иссле-

⁴ См., например: *Brătianu G. Actes des notaires génois de Péra et de Caffa de la fin du XIIIe siècle*. Bucarest, 1927; *Liber Institutionem Cabellarum veterum (Communis Janue) / A cura di D. Gioffré*. Milano, 1967. P. 309—314.

⁵ *Ahrweiler H. L'idéologie politique de l'Empire byzantin*. P., 1975; *Karayannopoulos I. The Imperial Ideology in Byzantium // Neo-Hellenika*. 1981. N 4. P. 47—53; *Pertusi A. Storia del pensiero politica // La civiltà bizantina dal IV al IX secolo: Aspetti e problemi*. Bari, 1977. P. 31—85; *Idem. Storia del pensiero politico // La civiltà bizantina dal IX all'XI secolo: Aspetti e problemi*. Bari, 1978. P. 35—87; *Idem. Storia del pensiero politico. A // La civiltà bizantina dal XII al XV secolo: Aspetti e problemi*. Roma, 1982. P. 25—62; *Idem. Il pensiero politico e sociale bizantino dalla fine del secolo VI al secolo XIII // Storia delle idee politiche, economiche e sociali / Dir. da L. Firpo*. Toronto, 1983. P. 667—816.

дователей, обратившихся к изучению политической идеологии и ее роли в жизни византийского общества, принадлежит также греческий историк Л. Мавромматис.

В одной из своих первых статей о политической мысли в поздней Византии Л. Мавромматис определил цели своих изысканий как «восприятие» и анализ политических, социальных и экономических реальностей и их выражения в идеологии и политической практике Византийской империи в последние века ее существования². Заданного курса Л. Мавромматис придерживается и в опубликованной им монографии. Главной своей задачей ученый считает осмысление узловых проблем политики и идеологии, предопределивших судьбу византийского государства на последнем этапе его развития (с. 9). В четырех главах монографии ученый рассматривает процесс утверждения Палеологов у власти, угрозу раздробления созданного ими государства вследствие противоречий между представителями правящей династии в конце XIII в., анализирует причины, события и последствия гражданских войн 1320-х и 1340-х годов.

На первый план Л. Мавромматис выдвигает проблемы собственно политической истории. Необходимо подчеркнуть, что монография греческого исследователя выгодно отличается от других подобных трудов западных историков. Л. Мавромматис — один из немногих зарубежных византинистов, признающих феодализм не только как политическую организацию господствующего класса, но и как социально-экономическую формацию. В этом отношении Л. Мавромматис не видит различий между Византией и странами средневековой Западной Европы (с. 11—15). Все стороны и внутренней, и внешней политики Византии изучаются в неразрывной связи с социально-экономическими условиями; и отдельные политические события, и историческое развитие империи в целом истолкованы как результат господства феодальных отношений.

Неоспоримым фактором укрепления феодальных порядков в поздней Византии, увеличения числа крупных собственников, по справедливому мнению Л. Мавромматиса, являлся институт прониции. Как известно, при Михаиле VIII Палеологе прониции становятся наследственными, а их число заметно растет. Утверждение проницарной системы влекло за собой усиление противоречий между отдельными прослойками господствующего класса и это, по утверждению ученого, делало невозможным для главы государства последовательное проведение внутренней политики (с. 23, 29—30).

Основные аспекты политики Михаила VIII охарактеризованы таким образом. Дворцовый переворот, в ходе которого

Михаил VIII лишил трона последнего императора династии Ласкарисов, обострил отношения с церковью. Отвоевание в 1261 г. Константинополя у латинян и дальнейшая активизация внешней политики способствовали осложнению внутривизантийской ситуации. Попытка заключить унию с римскокатолической церковью вызвала противодействие византийских иерархов, значительной части аристократии и простонародья. Невнимание Михаила VIII к малоазиатским владениям Византии, чреватое опасностью их захвата турками, породило оппозицию никейской знати. Ее возглавлял Сенахерим Э. Арвейлер, оценивая политику Михаила VIII, назвала ее утопичной³. Л. Мавромматис оспаривает это заключение (с. 33). По мнению ученого, политика Михаила VIII определялась естественным ходом исторических событий, последовавших за отвоеванием Константинополя.

Из ряда событий, ознаменовавших годы правления Андроника II, греческий исследователь выделяет первые проявления феодального сепаратизма византийской аристократии. В середине 1290-х годов попытку отложиться от Константинополя произвел видный военачальник и политический деятель Алексей Филантропин. Он воспользовался недовольством широких масс малоазиатского населения политикой Палеологов, бросивших на произвол судьбы перед угрозой турецкого завоевания восточные провинции страны. В конце XIII—начале XIV в. потаенные замыслы о разделе территории государства питали Константин Палеолог, старший брат Андроника II, и Ирина, вторая супруга Андроника II, урожденная принцесса Иоланта Монферратская. Она мечтала о передаче в наследственное владение ее детям Фессалоники. Л. Мавромматис верно отразил династический характер этих притязаний, показал, что и Константин, и Ирина заручились поддержкой феодальной знати (с. 44—51).

Наряду с тем Л. Мавромматису не всегда хватает глубины интерпретации отдельных нюансов политической жизни Византии. Это подтверждает характеристика судебных реформ Андроника II, организовавшего в 1296 г. судебную комиссию из двенадцати архиепископов, и Андроника III, учредившего в 1329 г. институт «вселенских судей». Проведение судебных реформ объясняется стремлением к искоренению лихоимства судебных чиновников (с. 37—39). Однако в реформах судопроизводства нельзя не увидеть попытки приспособить подточечную феодальными отношениями бюрократическую систему правосудия к условиям децентрализации управления империи⁴.

Господство феодальных порядков с нап-

² *Mavromatis L. Storia del pensiero politico. B. // La civiltà bizantina dal XII al XV secolo. . . P. 67.*

³ *Ahrweiler H. Op. cit. S. 115—119.*

⁴ Ср. конкретно-исторические материалы, собранные П. Лемерлем: *Lemerle P. Recherches sur les institutions judiciaires à l'époque des Paléologues, 1: Les tribunaux impériaux // Mélanges H. Grégoire, 1. Bruxelles, 1949. P. 369—384.*

Большей ясностью обнаружилось в годину гражданских войн XIV в. Традиционный принцип соправительства императора и его наследника, служивший обеспечением принципа легитимной преемственности власти, практически исчерпал себя. Как показывает Л. Мавромматис, противоборство императора Андроника II и его внука Андроника III, провозглашенного наследником и соправителем, стало олицетворением раскола в рядах господствующего класса (с. 58). Попытка мирного урегулирования конфликта встретила открытое противодействие правящей верхушки, а условия соглашения между Андрониками, достигнутого летом 1321 г., означали по существу отказ от государственного единства. Приоритет получил Андроник II, установивший контроль над внешнеполитическими сношениями. Согласно утверждению Л. Мавромматиса, подчинение Андроника III Андронику II носило характер феодальной зависимости и внука можно считать вассалом его деда (с. 63). Однако эта оценка не может быть принята без тщательной и фундированной аргументации.

Греческий ученый, уделяя значительное место анализу внутривнутриполитической ситуации в Византии в годы гражданских войн XIV в., обнаруживает неподдельный интерес к их социально-экономическим последствиям. Со времени гражданской войны 1321—1328 гг., по мнению Л. Мавромматиса, были ощутимы негативные тенденции, обусловленные обнищанием народных масс и громадными военными издержками (с. 74—75). К окончанию второй гражданской войны (1341—1347 гг.) Византию охватил острый экономический кризис. Повсеместное распространение наследственных проний подрывало устои государственной экономики и сопровождалось решительной победой крупного феодального землевладения (с. 113—114).

Тенденция феодального сепаратизма в Византии в полной мере дала о себе знать в период сербских завоеваний четвертого—пятого десятилетий XIV в. Л. Мавромматис указывает на готовность византийских феодалов перейти на сторону Стефана Душана и его союзников (с. 85). Ученый демонстрирует факты, наглядно говорящие о стремлении вождя византийской феодальной знати Иоанна Кантакузина к заключению мирного договора со Стефаном Душаном (с. 104—106). В качестве образчика отношений, связывавших представителей господствующего класса Византии, приведен анализ известного нам по сочинению Иоанна Кантакузина текста хрисовула 1342 г., пожалованного фессалийскому наместнику Иоанну Ангелу⁵ (с. 107—110). Исследователь доходчиво раскрывает феодальный характер зависимости Иоанна Ангела от

самостоятельно провозгласившего себя вассалом Иоанна Кантакузина (с. 109—110).

Объясняя сущность политической деятельности Иоанна Кантакузина, Л. Мавромматис придерживается концепции, завоевавшей признание в современной греческой историографии⁶. В изображении ученого Иоанн Кантакузин выступает в качестве выразителя политического курса первых Палеологов и потому естественного их преемника. Его политические цели сводятся к противоборству с якобы покусившимися на общественные устои авантюристами — Алексеем Апокавком и патриархом Иоанном Калекой (с. 86—98, 115—117). При этом, конечно, утрируется социальная природа так называемых «гражданских войн» в Византии первой половины XIV в. — столкновение политической усилившейся провинциальной феодальной знати (именно ее интересы выразил Иоанн Кантакузин) с представителями столичного бюрократического аппарата управления.

Одну из центральных проблем внутренней политики Византии 40-х годов XIV в. Л. Мавромматис видит в зилотском движении и народном восстании в Фессалонике. Ученый, хотя и принимает данную Д. А. Закитиносом характеристику зилотского движения как «революционного процесса» (с. 100, примеч. 57), подходит к интерпретации этого явления с известной осторожностью. Недостаток информации о зилотах не помешал историку показать сложный состав движения, участие в нем различных группировок фессалоникийцев, каждая из которых преследовала свои собственные цели. Опираясь на данные новейших исследований, Л. Мавромматис доказывает причастность к руководству восстанием представителей дома Палеологов. Они сумели придать народному движению антикантакузинистский характер, и в этом автор труда усматривает предпосылку длительного сохранения зилотами власти в Фессалонике в своих руках (с. 98—104). Сделанный греческим исследователем акцент оставляет в тени принципиальную сторону оценки фессалоникинского восстания: именно активное участие в восстании народных масс придало ему социальную остроту, а зилотскому движению — жизненные силы⁷.

Важнейшей стороной исследования Л. Мавромматиса является изучение идеологии поздневизантийского общества. В соответствии с основной ориентацией своего труда ученый ограничивается рассмотрением преимущественно политической идеологии, т. е. — в нашем понимании — той части идейных воззрений основных общественных групп, которые отражают их коренные интересы, отношение к государству и политической власти⁸.

⁵ См.: *Sant. Hist. Vol. II. Bonnae, 1831. P. 312.15—322.15.* Текст хрисовула воспроизводится Л. Мавромматисом в приложении к монографии (с. 123—130).

⁶ Ср.: Θεοχάρης Γ. 'Ιστορία τῆς Μακεδονίας κατὰ τοὺς Μέσους χρόνους (285—1354). Θεσσαλονίκη, 1980. С. 386—413.

⁷ Ср.: Курбатов Г. Л., Рутенбург В. И. Зилоты и чомпи // ВВ. 1969. Т. 30. С. 32—33.

⁸ См.: Михальченко Н. И. Политическая идеология как форма общественного сознания. Киев, 1981. С. 20, 40, 72.

Проводимый Л. Мавромматисом анализ идеологических установок господствующего класса обусловлен, судя по всему, пониманием сути общественной системы поздней Византии как абсолютной монархии (с. 30, 48).

Согласно концепции Л. Мавромматиса, во времена первых Палеологов прослеживалось сосуществование двух идеологических направлений — «идеологии единой вселенской империи», с одной стороны, с другой — «идеологии феодальной державы» (с. 119). Ученый доказывает, что первое направление безраздельно доминировало, и потому неоднократно говорит о «господствующей идеологии» (с. 45, 78, 95). Ее единственным источником является безраздельная императорская власть (с. 63). Реконструируя официальную идеологическую доктрину, Л. Мавромматис демонстрирует на примере Андроника II и его соправителей тот факт, что в случае одновременного существования нескольких носителей императорского титула официально принятая догма требовала их единогласного волеизъявления (с. 44). Наиболее прочной опорой этой идеологической системы, как с полным основанием утверждает исследователь, служила церковная ортодоксия; это была идеология и византийской бюрократии, домогавшейся должностей и чинов (ср. с. 33, 36—37, 55).

Греческого византиниста нельзя упрекнуть в прямолинейном осмыслении понятия «идеологии» как отражения исключительно официозных воззрений представителей господствующего класса. Л. Мавромматис не отрицает формирования отличных от официальных идеологических установок у оппозиционных общественных кругов. К сожалению, истолкование идейных взглядов членов феодальной оппозиции неоправданно упрощается. А это, в свою очередь, ведет к недооценке и искажению характера идеологических изменений, их воздействия на политическую жизнь страны. Л. Мавромматис убедительно показывает, что социально-экономическое развитие поздней Византии, борьба в лоне церкви, колебания внутреннего и внешнеполитического курса вели к необратимой перестройке «господствующей

щей идеологии» (ср. с. 33, 35, 36, 45, 63, 95). Однако этот процесс не связывается непосредственно с идейными предпосылками политических устремлений феодальной знати. Так, в интерпретации ученого борьба враждующих группировок господствующего класса за власть в период гражданской войны 1320-х годов ни в коей мере не затронула существующей идеологии (с. 58). Аналогичным образом объясняется идейная подоплека событий гражданской войны 1340-х годов. Алексей Апокавк и патриарх Иоанн Калека, сподвижники императрицы Анны, регентши малолетнего наследника императорского престола Иоанна VI Палеолога, представляемые как разрушители господствующих идеологических воззрений, сами по себе, по словам ученого, «не были носителями какой-либо идеологии и политической программы» (с. 88, 95). Их главный политический противник — Иоанн Кантакузин признается узурпатором, для которого «не было идеологической или политической позиции внутри империи» (с. 97). С точки зрения Л. Мавромматиса, действия противоборствующих сторон приобретают идеологическое обоснование лишь после их примирения. После того как в 1347 г. Иоанн Кантакузин занял Константинополь, столица снова, по выражению ученого, начинает играть «роль единственного идеологического и политического центра империи» (с. 103). Наконец, в истоках зилотского движения 1340-х годов в Фессалонике автор усматривает различные идеологические и политические течения (с. 98—99). Но лапидарность источников, согласно оговорке ученого, не позволяет достоверно исследовать ни политической деятельности зилотов, ни их политической программы, ни идеологии (с. 100).

Материалы о поздневизантийской политике и идеологии, собранные в монографии Л. Мавромматиса, нельзя считать исчерпывающими. Вместе с тем очевидно и другое. Обращение ученого к изучению взаимообусловленных закономерностей развития политики и идеологии поздневизантийского общества определяет научную актуальность исследования.

Ю. Я. Вин

Mundell Mango M. Silver from Early Byzantium. The Kaper Koraon and Related Treasures / Publ. by the Trustees of the Walters Art Gallery. Baltimore (Maryland), 1986. XVI. 294 p.

Книга М. Манделл Манго была выпущена к выставке «Серебро ранней Византии», открытой в галерее Уолтера в Балтиморе с 18.4 по 17.8 1986 г. и приуроченной, так же как и выставка в Принстоне¹, к XVII международному конгрессу византистов. Книга состоит из трехчастного введения, трех глав, каталога серебряных вещей из Каперкороаон (Сирия) и других, связанных с этим кладом предметов. Первая часть введения, написанная директором галереи Уолтера Р. Бергманом,

содержит биографические сведения и оценку деятельности одного из видных американских коллекционеров и меценатов Генри Уолтера — создателя второго в США, после Метрополитен музея, собрания памятников византийского прикладного искусства. Вторая (автор Г. Викэн) — дает краткое резюме книги «Серебро ранней Византии». Третья часть введения написана М. Манделл Манго и вводит читателя в круг тех проблем, о которых пойдет речь в собственно ис-

¹ Ćurčić S., St. Clair A. Byzantium at Princeton: Catalogue of an Exhibition at Firestone Library (Princeton University August 1 through October 26). Princeton. 1986.